

Елена Михалёва

ЩЕЛКУНЧИК
ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн обложки *А. Коровиной*

Михалёва, Елена Алексеевна.

М69 Щелкунчик должен умереть : [роман] / Елена Михалёва. — Москва : Эксмо, 2027. — 352 с.

ISBN 978-5-04-253945-9

1908 год. Санкт-Петербург готовится к Рождеству.

Воспитанница Смольного института Варвара Воронцова случайно оказывается за кулисами Мариинского театра, где полным ходом идут репетиции балета «Щелкунчик». Однако за магией сцены и музыкой Чайковского скрывается смертельная угроза.

Талантливая балерина, которой покровительствует сам великий князь, раз за разом чудом избегает гибели в совершенно неслучайных «несчастных случаях». Варя понимает, что театральные козни здесь вовсе ни при чём. Премьера, на которой должна присутствовать царская семья, неумолимо приближается — и угроза для слишком любопытной смолянки и её покровителей становится всё реальнее и страшнее.

До премьеры остаются считанные дни.

Сможет ли Варя разоблачить убийц прежде, чем опустится занавес?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Михалёва Е. А., 2027

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-253945-9

Глава 1

Декабрь в Петербурге выдался суровым. Пронизывающий балтийский ветер с тоскливым присвистом гулял между кирпичными трубами дымоходов. Он швырял в лица колючую ледяную крошку, сорванную с покатых скатов. Жесть крыши под ногами, натянутая тонкой коркой льда и слегка припорошённая свежим снегом, отзывалась глухим лязгом на каждое неосторожное движение. Мороз щипал за щёки, пробирался под поношенное драповое пальто и селился в костях. На такой высоте казалось, что у зимы нет ни милосердия, ни конца.

Однако стоило лишь приблизиться к каменному парапету и бросить взгляд за край, как перед глазами представал совершенно иной, бесконечно далёкий мир.

Внизу закованная в гранит набережная Невы сияла торжественным и беспечным великолепием. В сгустившейся морозной дымке жёлтые, дрожащие пятна газовых фонарей ложились на снег, и тот искрился, точно кто-то очень богатый беспечно рассыпал золотые монеты. Крошечные силуэты экипажей скользили вдоль широкого проспекта. Обеспеченные пассажиры спешили в тепло и уют званых ужинов, театральных премьер и пёстрых балов. Приветливо мерцал свет за высокими окна-

ми роскошных особняков, которые навеки отгородились от петербургской стужи, нужды и прочих тягот.

Там благоухала, смеялась и куталась в меха блистательная Империя. Безмятежно упивалась она своим богатством и мнимой незыблемостью. А здесь, на обледелой крыше мрачного доходного дома, слившись с чернеющим небом, властвовал лишь пропитанный ненавистью мрак. Удручающая пропасть между двумя мирами была столь же осязаема и резка, как пронизывающий ветер.

У самого края обледелого каменного парапета неподвижно замерла мужская фигура.

Молодой человек стоял так близко к смертельной бездне, что любой иной на его месте непременно поддался бы инстинктивному страху и отступил. Но он, кажется, вовсе не замечал опасности. Лицо его, болезненно-бледное и заострившееся, казалось жестоким.

Длинные, покрасневшие на морозе пальцы сжимали папиросу, и красный огонёк тлеющего табака ритмично вспыхивал во тьме. Каждый раз на краткий миг он выхватывал из мрака хищный излом бровей, плотно сжатые бескровные губы и тонкий, похожий на росчерк пера белый шрам, рассекавший левую бровь.

Одет молодой человек был до безрассудства легко для суровой петербургской ночи. Его тонкое старое пальто с поднятым воротником едва ли служило преградой для холодного дыхания декабрьской ночи. Оттого он сутулился так явственно и безобразно, что весь его статный рост скрадывался, не позволяя оценить ни разворот плеч, ни фигуру.

В нескольких шагах позади маячила вторая фигура. Грузный и неповоротливый мужчина походил на нахо-

хлившегося зверя. Лохматые тёмные вихры, торчавшие из-под картуза, лишь усиливали это сходство. Мужчина то и дело тяжело переминался с ноги на ногу, с хрустом ломая ледяную корку, и всё глубже прятал озябший подбородок в поднятый воротник дублёного полушубка. Пребывание на морозе порядком осточертело ему, однако мешать размышлениям первого он не смел довольно долго. И всё же грузный не выдержал. Потерял терпение, хоть и знал, что разговор предстоит неприятный.

— Поспешить бы, — хриплым, заржавевшим голосом произнёс он, глубже пряча обветренное, покрытое рытвинами оспин лицо в воротник. Хмыкнул. Откашлялся. Горло саднило. От холода кожа чесалась под одеждой. — Осталось всего ничего. Не успеем иначе.

Его собеседник промолчал. Лишь папироса в темноте снова мигнула красным, озарив хмурое лицо багряным отсветом.

— Не совестно тебе молчать? Домолчишься до того, что всех нас загребут. А она, поди, отдаляется от нашего дела нарочно. — Грузный снова переступил с ноги на ногу, и жесть крыши под ним гулко отозвалась. — Колеблется. Слишком уж быстро привыкла к сладенькому.

Молодой человек у парапета не шелохнулся, лишь затянулся глубже, позволяя спутнику продолжить.

— Опьянела она, говорю тебе, — с заметным раздражением настаивал тот. — Подарки эти, цветы корзинками, тепло чужих покоев. Там пахнет не крысиной мочой и кормят не картошкой с хреном. Продалась она. Купилась на подачки. Но пуще всего, — он процедил следующие слова со вскипающей неприязнью, — на внимание Его Высочества. Она же девка. Невесть чего себе нафан-

тазировала про красивую жизнь и счастье. Небось решила уже, что и замуж позовёт. Дура дурой. Как бы не выда-ла нас всех, лишь бы выслужиться перед ним.

В ответ его товарищ не нарушил молчания и не разразился бранью, но под бледной, натянутой кожей его скул желваки обозначились с такой отчётливостью, что, казалось, сейчас хрустнут. Во взгляде полыхнул целый фейерверк отравляющих душу эмоций. Слепая ненависть сливалась в нём с больной, удушающей ревностью.

Резким щелчком пальца он стряхнул пепел с папиросы. Серый тлеющий комок сорвался вниз и упал на нетронутый слой снега у самого парапета. Крошечная искра зашипела и мгновенно прожгла в чистой белизне уродливую тёмную дыру.

Его глаза сузились на ветру. Выражение лица поменялось, возвращая себе показную невозмутимость.

Секунду спустя в пропасть сияющей улицы полетел и сам окурок.

— Она цену знает. Если предаст, её уберут, — твёрдо произнёс молодой человек. — Я сам это сделаю. Если потребуется.

Грузный мрачно кивнул. Жестокий приговор его более чем устраивал. Он бы и сам давно разобрался с девицей, будь его воля. Дюже много знает.

Лёд под их ногами захрустел, когда они бесшумно растворились в зияющей черноте чердачного окна.

А с потемневшего петербургского неба вновь повалил густой, равнодушный снег. Он ложился мягким саваном на крышу доходного дома, неспешно и неотвратно за-метая следы.

Глава 2

Декабрьские морозы безжалостно лютовали за окнами. Сквозь дымчатую кисею бесконечных снегопадов выстуженные петербургские улицы казались картинкой с праздничной открытки, но только если не казать носа за порог слишком надолго. Иначе и застудиться можно. А угодить в лазарет перед Рождеством никому не хотелось.

За надёжными стенами Смольного института играл всеми красками совершенно иной мир строгой дисциплины и светлых девичьих грёз. Но в декабре неизменно побеждало второе, и тишина длинных коридоров сдавалась перед грядущей радостью воспитанниц. Правила смягчались в преддверии светлого праздника Рождества Христова. Само огромное здание словно оживало, наполняясь суетливым, радостным трепетом.

Воздух здесь теперь пах по-особенному. Смольный благоухал горячей мастикой, которой до медового блеска натирали паркет, уютным домашним духом прогретой золы из изразцовых печей и, главное, пьянящей смолистой хвоей. В просторных парадных залах уже начали устанавливать пушистые ели, и их терпкий, морозно-лесной аромат проникал во все уголки института, обещая скорое чудо.

В светлых классных комнатах и рекреациях вовсю кипела работа. Отовсюду доносился непрерывный, взволнованный девичий шёпот, то и дело прерываемый звонким переливчатым смехом, за который наставницы сейчас бранили куда снисходительнее обычного. Со всех сторон слышался уютный шелест цветной папиросной бумаги, тихое позвякивание маленьких ножниц и шуршание фольги.

Старшие воспитанницы — знаменитые «белые» смолянки в безукоризненных светлых платьях и пелеринах — сидели тесными кружками, напоминая стайки прекрасных лебедей. Склонив аккуратно причёсанные головы, они увлечённо мастерили украшения для грядущего праздника. Изящные пальчики с ловкостью вырезали кружевных бумажных ангелов, клеили затейливые картонажи, собирали пузатые бонбоньерки для младших девочек и старательно покрывали позолотой крупные грецкие орехи.

В этом созидательном труде, в сиянии глаз, полных чистых ожиданий грядущего бала, крылось столько искреннего, беззаботного счастья, что всякая внешняя суета казалась бесконечно далёкой и неважной. Спрятанные за надёжной чугунной оградой институтки всецело отдавались своей юности и праздничным хлопотам. Они наслаждались каждым мгновением подступающего Рождества.

В одном из таких кружков, устроившись у светлого окна, трудилась Варвара Воронцова. Выбившийся из строгой причёски пепельно-рыжий локон падал ей на лоб, но увлечённая работой Варя лишь нетерпеливо сдвигала его, чтобы не мешал покрывать позолотой крупный грецкий орех. Её голубые глаза светились неподдельным азартом, совсем как в детстве, когда им, капризным «кофейным» крошкам, впервые доверили клеить бумажные цепочки и вырезать кривые снежинки.

Ей не верилось, что это её последнее Рождество в Смольном перед выпуском.

Рядом с Варей сидела Эмилия Драйер, миниатюрная курносая немочка с рыжими волосами, серыми глазами и россыпью веснушек на щеках. Девушка заметно нерв-

ничала. Она отложила в сторону фольгу и по своей стеснительной привычке принялась ковырять заусенец на пальце. Делала она это как можно незаметнее для окружающих, чтобы не получить выговор от классной дамы.

— Ох, Варенька, — вздохнула Эмилия, и её горловое германское «р» прозвучало особенно отчётливо. Произносила она этот звук от самого корня языка, а не с кончика, всегда, когда чересчур волновалась, — мне кажется, я клею всё вкривь и вкось.

— Душа моя, ну кто вздумает разглядывать эти мелочи на огромных елях? — мягко отозвалась княжна Венера Голицына, утончённая, стройная барышня с тёмно-русыми волосами и нежными голубыми глазами.

— А позвольте возразить. Я вот точно вздумаю разглядывать, — тут же подала голос нескладная Евдокия Малавина, которую все ласково звали Додо. Она единственная из их класса сохранила своё детское прозвище, хоть и была самой ворчливой и нудной из всех, точно строгая старушка. Вот и теперь блондинка с вытянутым лицом и блёклыми водянистыми глазами недовольно поджала губы и тихо пробубнила себе под нос: — Праздник не терпит небрежности. И сидите вы, девочки, криво. Сутулитесь. Марья Андреевна заметит.

Но их классная дама, Марья Андреевна Ирецкая, была слишком занята помощью воспитанницам за другим столом, чтобы придирается к подобным глупостям.

Варя лишь с улыбкой переглянулась с Венерой, пропуская мимо ушей утомительное бормотание Додо.

Их мирную беседу нарушил звонкий взрыв смеха соседней стайки смолянок.

Марина Быстрова, кажется, в очередной раз придумала колкую остроту и наслаждалась вниманием по-

друг. Обладательница роскошных тёмно-каштановых кудрей и лукавых зелёных глаз была натурой весёлой, лёгкой и в высшей степени романтической. Сейчас Марина с ослепительной улыбкой что-то увлечённо рассказывала сёстрам Шагаровым. Старшая, спокойная и уверенная в себе Анна лишь согласно кивала за работой, в то время как шестнадцатилетняя Наденька весело хихикала.

К их весёлой компании присоединилась и румяная, круглощёкая брюнетка София Заревич. Миловидная кокетка с газельими глазами и родинками на шее и лице вертела в руках атласную ленту. Судя по выражению её лица, рассказ подруги занимал её куда меньше, чем собственные мечтания.

Их веселье не осталось без внимания. Подошла Ирецкая и назидательно велела компании Марины вести себя прилично.

Варя бросила беглый взгляд на сияющую Быстрову и невольно выпрямила спину. Грядущий бал будоражил умы. В воздухе Смольного явственно витал дух девичьего соперничества. Как наладить испортившиеся ещё по осени отношения с бывшей лучшей подругой, Воронцова не представляла.

Иллюзия безмятежного сестринства рассеялась тотчас, едва звонок возвестил о начале урока танцев.

Танцевальная зала встретила воспитанниц ослепительным светом, льющимся сквозь высокие окна, и бесконечным простором надраенного до скользкого блеска паркета. Вдоль стен тянулись огромные зеркала в массивных рамах. В них многократно отражалась кипенная белизна форменных платьев, отчего казалось, будто порхающих девиц в классе вдвое больше обычного.

Посреди залы их встречал Ипполит Максимович — сухопарый балетмейстер старой императорской закалки.

За глаза смолянки беззлобно величали его «Месье Циркуль». Его непомерно длинные, худые ноги отмеряли шаги по классу с такой математической точностью, что иное прозвище ему бы попросту не подошло. К тому же Ипполит Максимович обладал характером строгим, педантичным и не терпел ни малейшей расхлябанности, презируя даже самые невинные девичьи слабости.

Одетый в наглухо застёгнутый чёрный сюртук старинного кроя с туго накрахмаленным воротничком, балетмейстер казался ожившей гравюрой. Его узкое лицо с острыми скулами и тонкими, безупречно подстриженными седыми усами всегда сохраняло выражение строгой взыскательности, а выцветшие, но поразительно цепкие глаза подмечали малейшую оплошность. Однако окончательное сходство с чертёжным инструментом придавала ему тонкая трость. Замирая посреди залы, Ипполит Максимович опирался на неё, отставляя изящную палку в сторону. В такие моменты он являл собой живое воплощение металлического циркуля, чья игла уже вонзилась в паркет, чтобы вычертить на нём безукоризненный круг.

Дождавшись, когда старшие воспитанницы выстроятся в линию и исполнят положенный приветственный реверанс, балетмейстер дважды ударил серебряным наконечником своей тонкой трости о пол. Шорох юбок и шёпот мгновенно стихли.

— Mesdemoiselles¹, — начал он сухо и торжественно, и эхо его хорошо поставленного голоса тотчас разлетелось под высокими сводами. — Близится главное событие зимнего сезона. Но, смею вас обрадовать, в этом году

¹ Дамы (франц.).

наш традиционный Рождественский бал откроется не вполне обычным образом. Её Светлость приняла решение подготовить особенный танцевальный этюд, который предварит основную программу.

По шеренге воспитанниц прокатился трепетный вздох.

— Это будет не просто привычный вам полонез или вальс. — Месье Циркуль обвёл класс пронзительным взглядом, задерживаясь на лучших ученицах. — Мы планируем театрализованный этюд по мотивам всемирно любимого балета господина Чайковского «Щелкунчик». Нам предстоит воссоздать на паркете Царство сладостей. На празднике ожидается присутствие высочайших попечителей, видных государственных мужей и самых почётных семейств Петербурга. Вы понимаете, что это значит? — Ипполит Максимович пошёл вдоль замерших воспитанниц, демонстрируя не только идеальную осанку, но и свой узнаваемый геометричный шаг, за который и получил прозвище. — Нам надлежит показать истинный артистизм, грацию и благородство. И для этого мне понадобится солистка на главную партию блистательной Феи Драже.

Атмосфера в зале неуловимо переменилась. Только что бывшие верными подругами беззаботные девушки разом подобрались. Каждая из них, несмотря на юные годы, прекрасно понимала, что скрывается за скупыми словами балетмейстера.

Рождественский бал оставался своего рода главной витриной Смольного. А солирующая партия в таком этюде сулила не просто минутную школьную славу, но обещала редчайший шанс оказаться в самом центре внимания высшего света. Каждая смолянка хотела заслуженно

приковать к себе взоры влиятельных покровителей и блестящих кавалеров.

Девицы замерли в мучительном предвкушении. Под придиричивым взглядом Месье Циркуля обещала разразиться отчаянная битва, какой не видывал даже Пажеский корпус Ея Императорского Величества. Сражение за право стать единственной сияющей звездой этого вечера.

Напряжённую тишину зеркальной залы нарушил лёгкий шелест накрахмаленных юбок.

Марина Быстрова не дожидалась персонального приглашения. Она сделала шаг из шеренги вперёд. В её горделиво вскинутом подбородке и выправленной осанке читалась уверенность в собственном превосходстве. Она всем видом безмолвно заявляла неоспоримые права на солирующую роль, словно эта партия с самого начала предназначалась исключительно для неё одной.

Ипполит Максимович одобрительно прищурился, нисколько не возмущившись подобной дерзостью любимой ученицы. Он коротко взмахнул серебряным набалдашником трости, подавая знак пожилому аккомпаниатору за роялем, и сухим тоном скомандовал связку движений:

— *S'il vous plaît, mademoiselle Быстрова. Pas de bourrée, glissade и arabesque*¹. Прошу.

Раздались первые лёгкие аккорды.

Марина встрепенулась и плавно скользнула по натёртому паркету. Её исполнение выглядело поистине безукоризненным, словно движениями девушки управлял часовой механизм. Безупречно прямая спина, идеаль-

¹ Пожалуйста, мадемуазель Быстрова. Па-де-буре, глиссад и арабеск (франц.).

ный выворот стопы, точные линии рук и шеи — техника Быстровой поражала воображение. В своём кипенно-белом платье она напоминала дорогую фарфоровую куклу из тех, что выставлялись в витринах роскошных лавок на Невском проспекте: изящную, хрупкую и совершенную в своей симметрии.

Однако лицо Быстровой на протяжении всей связки оставалось бесстрастным, будто она доказывала у доски зазубренную теорему, а не танцевала.

Едва музыка смолкла, Марина замерла в финальной позиции, стоя на одной ножке и грациозно приподняв другую и отведя её назад. Равновесие она держала превосходно.

Затем Быстрова с достоинством опустила руки и повернула голову. Её лукавые зелёные глаза безошибочно отыскивали в замершей шеренге воспитанниц Варю. В этом прямом взгляде не осталось ни капли от их бывлой девичьей дружбы — лишь торжество победительницы.

Сёстры Шагаровы и Софья Заревич восторженно зашептались, не в силах скрыть восхищения.

Казалось, выбор Ипполита Максимовича предрешён.

Варя молча наблюдала за триумфом Быстровой.

Она смотрела на её точёный профиль и объективно, без лишних девичьих иллюзий, оценивала собственные силы. Воронцова прекрасно понимала, что её балетная техника отнюдь не так совершенна. Её *glissade* уступал, а в *arabesque* порой доставало той скульптурной статики, с которой Марина замирала на паркете. Ещё в прошлом году, до всех этих роковых перемен, Варя непременно бы стушевалась. Опустила бы глаза, покорно отступила в тень и позволила блестящей Мариночке без боя забрать все лавры.

Но той робкой, сомневающейся институтки больше не существовало. Минувшие месяцы, полные мрачных тайн, опасных поручений и тяжкого бремени доверия самой вдовствующей Императрицы, безвозвратно переменили её характер. Пройдя крещение интригами совершенно иного, недетского порядка, Воронцова больше не желала малодушно пасовать перед банальным классным соперничеством.

Её взгляд скользнул к собственному отражению в высоких амальгамовых зеркалах. Губы тронула едва заметная улыбка. Ведь танец — это далеко не только заученные позы, удобные строгому Месье Циркулю. В танце должна пылать душа, а её собственная — покоя лишилась. Металась. Требовала шанса показать себя.

Совсем недавно ей преподали важный урок: действуй деликатно, приковывая к себе чужие взгляды и очаровывай, но никогда не давай повода для громкого скандала. Варе вдруг подумалось, что Мария Фёдоровна Романова наверняка лично посетит их праздник, поэтому разочаровывать её никак нельзя. И если для того, чтобы доказать свою готовность служить ей, нужно отобрать у Быстровой корону Феи Драже, что ж, Варя принимала брошенный вызов.

Она глубоко вдохнула и сделала плавный шаг из строя.

— Ипполит Максимович. — Воронцова ангельски улыбнулась балетмейстеру. — Не позволите ли и мне испытать свои силы, *s'il vous plaît*¹?

Месье Циркуль удивлённо вздёрнул тонкую седую бровь.

— В самом деле, — задумчиво произнёс он, переводя взгляд с Вари на Марину, словно невооружённым взгля-

¹ Пожалуйста (франц.).